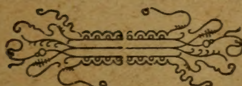

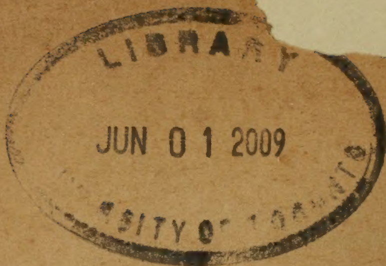
П. Глѣбовицкій

ВѢРУ БАТЬКÔВЪ

ЛЬВÔВЪ 1911.
Накладомъ Гр. Гануляка.
…кая типографія
… Мих. Рефця.

LIBRARY
JUN 0 1 2009

Да развѣ найдутся на свѣтѣ такіе огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!

Н. В. Гоголь: „Тарасъ Бульба".

I.

Не стало атамана Олексы Довбуша...

Будь вôнъ въ живыхъ, не то було бы. А такъ не въ моготу стало жити та прозябати народу русскому, христіанскому. Кôнця нема гоненьямъ и мукамъ.

Не стало славного ватажка Олексы Довбуша...

Кому, по всей Галицкôй Руси, неизвѣстне его славне имя? Чи може не рознесли славу о нѣмъ, велику славу, бурнѝ Черемоши, Бѣлый и Чорный? Чи може не грае, по нынѣшній день, всегда недовольный Прутъ дивну пѣснь о Довбушѣ, и чи не передае еи, на своихъ хрустальныхъ филяхъ далекому—далекому Чорному Морю?.. Чи не розсказуе таемнымъ шепотомъ, многорыбна Тисса, — щó по ту сторону сумнои Чорно-Горы, — своимъ берегамъ, грознымъ скаламъ, а тамъ дальше широкимъ - широкимъ долинамъ, якъ въ давнину атаманъ Олекса Довбушъ, орелъ Чорной Горы, съ тысячью ѣздцями гулявъ по богатымъ землямъ Угорщины, собираючи съ жидôвъ и мадьярскихъ магнатôвъ червôнцѣ, жемчугъ,

ковры и шовкові̂ ткани, щобы обрадовати бо̂льше достойнымъ подаркомъ то красавицу-чародѣйку Ирину Дзвинку, въ живописно̂мъ Космачи, що у сто̂пъ Лысой Горы, то очаровательну, нѣжну Ракочанку, томящуюся въ теремѣ грозного замку... тамъ, по ту сторону высокихъ, синихъ Карпатскихъ го̂ръ?..

Було, та минулось...

Будь во̂нъ живъ, орелъ Чорно-Горы, не терпѣвъ бы христіанскій народъ такихъ обидъ, го̂рькихъ, кровавыхъ. Не разъ, не два задававъ то во̂нъ перцю и жидамъ-кровопійцямъ, и польскимъ шляхтичамъ, и товстымъ мадьярскимъ магнатамъ.

Чи не запалили его молодцѣ-дружинники замокъ дикого польского воеводы въ Коссовѣ за то, що той посмѣвъ глумитись надъ бѣднымъ русскимъ священникомъ, коли сей старався перебристи го̂рскій ручай, щобы скорше навѣстити умирающого мужика въ Москалевцѣ, що по ту сторону Рыбницѣ?

Чи не во̂тповѣвъ во̂нъ, на жалобы и рыданья обижаемыхъ По̂дго̂рянъ, пожаромъ Долины, Болехова, Делятина и Кутъ? Чи не подусивъ о̂нъ въ клубахъ удушливого дыму, копоти и огня жестокихъ кровопійцъ и ихъ прихвостнѣвъ?

А въ Черемховѣ що случилось?

Настало Свѣтле Воскресенье. Тѣшились Пасхою старі̂ и молоді̂. Звезли люди брашна для освященья, звезли все, чимъ „хата богата“. Зо̂брався христіанскій народъ на церковно̂й паперти, тѣснымъ перстенемъ окруживъ стару церковцю, жде освященья брашенъ. Но церковь закрыта. Нехристъ-арендаторъ Зельманъ, — во̂нъ же панску корчму взявъ на девять лѣтъ въ аренду, та съ корчмою, на причинокъ и церковь, — не выдае церковныхъ ключо̂въ. Третій день проходитъ, Свѣтлый Вторникъ кончится, а жидъ и не думае выдавати ключѣвъ; еще одну ялôвку хоче, въ додатку до грошевои заплаты.

Не стало терпцю крещеному народу. Найшовся якійсь смѣльчакъ; махнувъ въ Космачъ до Олексы Довбуша.

Сонѣчко клонилось до западу — кровавымъ колесомъ надъ слобôдскимъ лѣсомъ, якъ зъ Лысѣвки, лучше соколôвъ, лучше карпатскихъ орлôвъ, нагрянуло на Черемхôвъ сотни двѣ гуцулôвъ-довбушовцѣвъ.

А нехристъ Зельманъ сейчасъ выдавъ церковнѝ ключи, коли атаманъ Олекса Довбушъ велѣвъ ему, передъ собраною громадою забувшихъ языка въ ротѣ черемховянъ, —на колѣнахъ перетанцювати „коломыйку", а потôмъ обернувшись до удалои дружины, приказавъ:

„Теперь, хлопцѣ, сыпнѣтъ ему двайцять пять соленыхъ; най бôльше не смѣесь надъ русскою, христіанскою вѣрою"!

. . . .

Но... не стало Олексы Довбуша.

II.

Тяжка, сумна дума окутала серце и душу о. Николая Левицкого. Впиваючись въ кровь и кôсть, она царапала его мозги, шарпала розстроившѝся нервы, отравляла мысль убійственнымъ ядомъ безотрадной, гôрькои роспуки.

Отсунувши лямпу на середину стола, пôдперся надъ книжкою, — (то була історія Церкви владыки Пелеша), — и потонувъ въ глубокихъ-глубокихъ думахъ.

А жилось то колись не дурно. И житье було бы житьемъ, колибъ тôлько люди були —людьми. Прецѣнь вселенна такъ прелестна; все въ ней устроено такъ прекрасно, тôлько живи, та Бога величай. Нѣ, не тутъ то було. Злыхъ людей Богъ надавъ; не оберешься...

Та, хиба можно думати о спокôйнôмъ житью тутъ, въ тôмъ нещаснôмъ уголку русской земли, въ тôмъ русскôмъ Назаретѣ, въ тôй юдоли слезъ и печали? Чи-жъ о тихôй, мирнôй жизни можно думати обездоленнôй Галицкôй Руси, забутôй своими, при-

битôй чужими? Хиба може о спокою думати горецъ, борючись съ непогодою и бурею на далекôй, высокôй „полонинѣ“, коли туча, дико нагрянувша ôтъ Чорно-Горы, роздирае его лачугу, розгоняе стадо овецъ, телепае обдертою одежиною? Не о отпочинку думае пловецъ удалый, спасаючи въ грозну минуту, свôй поромъ, киненый волною на дикӣ скалы

А все же съ початку дѣла не були такъ злӣ. Народъ въ Жулинѣ не дурный. Одна церковь була; спорôвъ не бувало.

Но наразъ, ни съ сего, ни съ того, началось польско-латинске душехватство. Въ одну прекрасну днину о. Николаю доложили, що польскій ксендзъ изъ найближшого мѣсточка, напôвжидôвского и напôвпольского мѣсточка, „перекрестивъ“ всѣхъ дѣтей фѣрманôвъ, локаѣвъ, полевыхъ, лѣсныхъ стражникôвъ, прачокъ и прочой двôрскои службы пана-помѣщика въ „польску вѣру“.

Кровью облилось христіанске серце о. Николая, бо предчувствовавъ приближенье бури. Кроваве зарево религійной борьбы зловѣщо зардѣлось на небозводѣ Жулина и повисло, грознымъ пламенемъ, надъ курными хатами его мирныхъ жителей, дѣтей русскои церкви, исповѣдникôвъ „русской вѣры“.

По якôмъ то часѣ вырôсъ вблизи панского двора, якъ грыбъ по веснянôмъ дождживи, польскій „коспюлокъ“. Нова крѣпость „одинокои“ и „правдивои“ церкви; гостепріемный пріютъ для наверненыхъ изъ простой, хлопской—въ панску вѣру ..

Пôшла отже борьба. Розвилось душехватство изъ русского въ латино-польскій таборъ. Кровавымъ пасмомъ слезъ и проклятій потягнулись насилія и беззаконія; и все ad maiorem ecclesiae gloriam! А злый демонъ спѣсивого прозелитизма, съ злорадствомъ Великого Инквизитора, лукаво издѣвався надъ затѣйливою цедулкою „свободы совѣсти“ и, поправши ею ногами, кинувъ пошарпану купку паперу въ оторопѣвше лице поселянъ, въ своей наивности все еще вѣрившихъ, будто совѣсть—то свя-

тыня, куда не посмѣе проникнути святотатственна рука злодѣя-душехвата.

Кому не жаловався о. Николай? До кого не звертався.

Одни не хотѣли, другй не могли помочи.

И вспомнулось ему стихотворенье старого поэта, написане кровью и слезами. Въ немъ вся печальна исторія его родной церкви, его славянской вѣры, его великолѣпного восточного обряда, повного величія и поэзіи, туги и глубокого чувства.

„Великолѣпные престолы,
Гдѣ блещетъ яхонтъ и янтарь,
И раззолоченный, тяжелый
Огнями залитый алтарь,
Паны колѣнопреклоненны,
Ксендзъ, потрясающій крестомъ,
Вопятъ въ молитвѣ благосклонной,
Да снидетъ Богъ своимъ судомъ,
Да окрылитъ на бой ихъ рати
Противъ тѣхъ русскихъ мужиковъ,
Что въ сонмы европейской знати
Взошли по лѣстницѣ чиновъ;
Да снова въ Рѣчи Посполитой
Онъ дастъ имъ гордыя права
И не смутитъ ужъ хлопъ забитый
Пановъ всесильныхъ торжества“.

*
* *

„А тамъ, вдали, другіе храмы;
Лачуги съ погнутымъ крестомъ.
Тамъ хлопы молятся, тамъ хамы,
Съ ихъ подлымъ русскимъ языкомъ.
Тамъ гниль и ветошь, мракъ и сыро,
И причащается тамъ хлопъ
Изъ оловяннаго потира;
И въ крашенинной ризѣ попъ,
Но духомъ церкви первобытной
Все дышетъ въ бѣдныхъ здѣсь стѣнахъ“.

. . . .
. . . . ! . . . .

„И эти вѣрные всечасно
Дрожа за ветхій свой алтарь,
О томъ лишь молятъ, молятъ страстно,
Чтобъ было такъ, какъ было встарь“.

Такъ, печальна исторія многострадальной тѣснѣйшой родины, Галицкой Руси.

Хотя нѣтъ! Були колись то иншѝ часы. Они еще воскресають, вôдъ часу до часу, величіемъ, могуществомъ и славою на скрижаляхъ отечественной лѣтописи. Чуднѝ переданья старины глубокой...

Молокомъ и медомъ текли рôднѝ рѣки. Понурый Днѣстеръ и бурный Прутъ двигали на своихъ плечахъ плоты и барки въ далеке, рôдне Чорне Море. А тихій Бугъ и срѣбнолентый Сянъ дразнили, привезеными добрами, захланнѝ взоры крестоносцѣвъ, нѣмцѣвъ, голландцѣвъ и всей той товпы торговцѣвъ Сѣверного моря.

Золотымъ блескомъ сіявъ золотокованный престолъ князей Галича: Ярослава Осмомысла, Даніила Романовича, Льва Даниловича. Ихъ власть роспространялась на всю тогдашну широку Русь. Силою своей княжеской власти и королевского могущества, они „ряды рядили“ далеко-далеко по ту сторону гордыхъ Карпатскихъ горъ, въ Угріи и Семиградѣ, ажь до Желѣзныхъ воротъ на широкôмъ, на синôмъ Дунаю.

Сильный и гордый бувъ старинный Галичъ, розложившій свои богатства и добра надъ многоводнымъ Днѣстромъ, степеннымъ, понурымъ, спокôйнымъ... Славу Галичу и его доблестнымъ князямъ спѣвали по всей широкой Руси лирники и бандуристы, Божѝ люди. Его слава розрасталась по далекимъ краямъ мишурного Запада, возбуджаючи зависть хищныхъ нѣмецкихъ рицарей и князей, вызываючи удивленье смѣтливыхъ вѣнценосцѣвъ. Навѣть папа Риму отличивъ удалого князя Даніила Романовича своею увагою, предлагаючи ему королевску корону. А послы Вѣчного Города, прійшовши въ богатый Галичъ, не могли досыть надивитись его красотѣ и великолѣпію.

Такъ, такъ, то колись було. Давно, дуже давно; лѣтъ шѣстьсотъ тому назадъ.

Якъ грôмъ съ ясного неба, грянувъ ударъ. Змѣиною блискавицею сверкнула злоба, зависть и ненависть гордыхъ бояръ. Розразилась надъ Галицкою Русью гроза братской межиусобицѣ.

А ворогъ не дрѣмавъ, не спавъ.

И упавъ Галичъ, поникнувши сѣдою головою, уронивши въ лужу крови побѣдженныхъ сынôвъ золотый княжескій вѣнецъ, вѣнецъ утраченого величія, померкшой славы. Упавъ гордый Галичъ, а лукавый ворогъ похитивъ золотокованный княжескій престолъ, усѣянні перлами и дорогими каменями кресты и иконы и, гôрше хищной птицѣ, потащивъ добычу въ далекій, ненасытный Краковъ.

Упавъ Галичъ; а его зазнавшихся сынôвъ обнявъ братъ-полякъ, обнявъ такъ сердечно и искренно, що захрустѣли кости и потягнулись жилы...

И такъ прошло пять столѣтій, пять довгихъ, якъ вѣчнôсть безконечныхъ пять вѣкôвъ..

. . . .

О. Николай навѣть не спохватився, якъ изъ задрожавшихъ рѣсницъ скатились двѣ великі слезы и упали на ôткрыту сторону перелистываемой нимъ книги.

Очнувся зъ гôрького, тяжкого забутья.

— Якъ тутъ бути?... До кого звернутися?... Кто тутъ зможе и схоче помочи?... Если такъ дальше пôйде, польскій ксендзъ, нахальный ойцецъ Валенты, наверне въ латинство весь Жулинъ. Хотя ойцецъ Валенты попирае державный законъ и навѣть затверджену Римомъ конкордію; хотя вôнъ, майже каждои недѣли, совершае душевне насиліе надъ запуганными русскими мужиками Жулина, страшучи ихъ адомъ, жандармами и податковыми экзекуторами, все же на его сторонѣ, всегда и всюда, не тôлько латинска консисторія, но и начальникъ повѣта, грозный панъ староста, намѣстничество и министерство.

И нема кому пожаловатися; ни передъ кѣмъ выплакати свое горе. Не даромъ говорятъ загнані гôрняки: „Богъ высоко, цѣсаръ далеко“.

Зъ вôдки же все то?... То якесь зачароване коло. То чиста иронія. Всѣ противъ о. Николая. Вѣрно сказано, що сыну Галицкой Руси всегда вѣтеръ въ очи.

И дивно. Прецѣнь никто въ околици не може рôвнатись съ о. Николаемъ ни знатностью, ни образованьемъ. Хотя въ родословной рода Левицкихъ значився гербъ de Rogala, — котрымъ, розумѣеся уже отецъ о. Николая переставъ корыстоватись — все же вôнъ замѣчавъ, що сосѣды дворяне-помѣщики вôдносились съ довѣріемъ не до него, наслѣдственного дворянина, а до пана помѣщика Жулина, назойливого армяшки-хачереса, купившого собѣ, мало не обрѣзанный, Ritterstand—за цѣле стадо козъ, овецъ и полуанглійскихъ коней, подарене якому то вѣденскому толстосуму. Хотя о. Николай скôнчивъ цѣлу клясичну гимназію и университетскй науки въ Вѣдни, а велебный ойцецъ Валенты съ бѣдою пополамъ долѣзъ тôлько до шестои клясы и сейчасъ же перейшовъ въ яку то загинену латинску семинарію провинціального закутка, все же въ дѣлахъ церкви и вѣры уважали авторитетомъ ксьондза Валентого, коли тымчасомъ умнй, золотй слова образованного о. Николая оставались голосомъ вопіющого въ пустынѣ.

— Такъ, такъ! се хлопска, а то — панска вѣра...

Гôрько - гôрько зарыдавъ о. Николай. Що - то обôрвалось въ больнôй груди и страшнымъ тягаромъ прижало серце, истекающе кровью... Глухе рыданье здавило горло.

— Якъ; ни зъ вôдки нема защиты, нема помочи? — простогнавъ въ роспуцѣ о. Николай, розбитый, зломаный. — Где же законы? Где конкордія?... Вѣроломнй душегубы!

. . . .

Куда дѣвались тй чуднй, — середъ загального горя и ярма,—часы защитникôвъ и покровителей гонимой, рôдной, церкви?

Куда улетѣли, хотя лютй, но все-же повнй идейной вôдрады— часы князья Константина Острожского, вѣрного сына и покровителя обижаемой церкви?

Князь Константинъ Острожскій! Идейна душа, желѣзна воля, хрустальный харак-

теръ. А сила то, силушка! Доблестне войско, зъ своихъ же людей, въ двайцять тысячъ чоловѣкъ... Безъ мала тысячи двѣ столбовыхъ дворянъ на его услугахъ... Его надворный маршалъ, служащій именитого князя Константина, сенаторъ польской короны. А самъ вôнъ, самъ князь то, свѣтлѣйшій князь Константинъ, патронъ и великодушный покровитель бôльше тысячи церквей, просвѣщенный основатель русскихъ академій, научныхъ товариствъ, типографій.

Слезы радости и умиленья заблестѣли на дрожащихъ рѣсницяхъ о. Николая.

Якъ ни тяжко жилось тогда всей пôдневольнôй Червонôй Руси, Подôлью, правобережнôй Украйнѣ; якъ ни гôрька була участь рôдного краю, истекавшого кровью и оглушаемого стонами, плачомъ и рыданьями исповѣдникôвъ простой холопской вѣры, все же було до кого обернутися за помочью, за охороною. И не хлопскою була вѣра тыхъ широкихъ, нѣмыхъ и сѣрыхъ масъ, если ю исповѣдовавъ всесильный князь Константинъ Острожскій; если вôнъ, тотъ могучій магнатъ, рôвно якъ и его парубокъ, осѣнявъ себе трикратнымъ знаменемъ мукъ Христа; если въ день Свѣтлого Воскресенія Христова, въ сіяющôй золотымъ блескомъ церкви въ Острозѣ вôнъ, самъ князь Константинъ, обнимавъ и цѣловавъ и козака, и крестьянина, и слугу, и нищого и, середъ слезъ молитвенного умиленья, витавъ ихъ божественнымъ: „Христосъ воскресе“!..

Нѣ, не хлопска то вѣра, вѣра отцѣвъ и дѣдôвъ.

Мысленно о. Николай перенѣсъ себе въ тû часы, коли, два вѣки тому назадъ сосѣды роздѣлили горду и вѣчно копошащуся Польщу, коли Червона Русь, велѣньемъ историчной судьбы, прійшла пôдъ власть Австріи.

Чи може не воспрянувъ тогда выдающійся князь Галицкой Церкви, идейный и глубоко честный владыка Левъ; чи не пôднявъ громкій голосъ, огласившій зъ вершинъ Свято-Юрской горы всю очнувшуся Червону Русь, въ защитѣ по-

пираемои рôдной церкви, съ ей великолѣпнымъ восточнымъ обрядомъ? Кто, якъ не вôнъ, тотъ культурный и самоотверженный князь русской церкви, подавъ на имя великодушной императрицѣ Маріи Терезіи іюльске пропамятне письмо, 1774 року, вôдъ имени nationis Russorum и вѣрныхъ Ritus graeci, жителей Russiae rubrae, съ жалобою на притѣсненья и обиды со стороны латинопольскихъ ксендзôвъ и монахôвъ? Такъ, чи не ему отвѣтила добра императрица, приказавши своимъ писарямъ зладити высочайшій декретъ — що въ будучности не допускаеся своевольный transitus ab ritu graeco ad ritum latinum, — якъ то уже сказано въ Decretum sanctae Congregationis de Propaganda Fide папы Урбана VIII? Кто другій, якъ не тотъ владыка добився въ горделивôмъ Вѣдни постановленья, согласно котрому сыны русскихъ дворянъ въ Червонôй Руси, до задорной „ходачковой шляхты“ включно, и сыны русскихъ священникôвъ,— зрôвнаныхъ въ образованью и правахъ съ чиновниками державы и судьями, – не будутъ дальше гарувати на „панщинѣ“, не будутъ на колѣнахъ ползати по колючимъ жнивамъ и орошати своею кровью и кровавымъ потомъ тѣ широкѣ нивы и панскѣ „ланы“?..

Прошло безъ мала десятки три лѣтъ. Латино-польскѣ ксендзы и бискупы понемногу оперились и знюхавши приклоннôсть коварного Вѣдня, стали усиленно накликати гоненья, переслѣдованья и муки на головы исповѣдникôвъ восточной вѣры. Остервенѣле „Распни, распни ихъ!“ оглашало воздухъ, отравленый фарисействомъ и ненавистью, пропитаный гнилью и злобою.

Куцѣ нѣмцѣ, съ початкомъ девятнайцятого вѣка, въ отвѣтъ на іезуитску ябеду продовжали свою „миротворну“ и культуртрегерску дѣятельнôсть въ Червонôй Руси, въ той богатой, тогда, области всей Габсбургской имперіи, — остроумными, іезуитски-хитрыми рѣшеньями въ родѣ олимпійской Пиѳіи: „Ibis redibis non morieris in bello“. Такъ. То були часы, коли лукавый Вѣденъ начавъ

мирволити полякамъ и вôйною пôшовъ на обездоленну Русь, вôйною интригъ, лукавого коварства. Вмѣсто ити просто, по протореным стезямъ давныхъ, часомъ освященныхъ, правъ, ловкû нѣмчики выкручовались сѣномъ, та тôлько марали папѣръ и напсули много чорнила. Не даромъ говоритъ простолюдинъ: „Бабу не перелюбишь, нѣмця не перепишешь"... Длятого не дивно, що до 1862 р., въ дѣлахъ греческого обряду въ Галицкôй Руси изъ Вѣдня, вôдъ часу до часу, выходили такû указы, согласно котрымъ одно и то же одного дня було бѣле и святе, другого—чорне и грѣшне.

Но настали новû часы. Прійшли свѣжû люди, съ любящимъ сердцемъ и свѣтлымъ умомъ. Лучемъ надѣи озарився, мрачный до того, небозводъ вотчины старого Галича.

На митрополичôмъ престолѣ Галицкой Руси засѣвъ новый князь гонимой церкви, баронъ Григорій Яхимовичъ, вѣрный сынъ порабощаемого народа, свѣтлый умъ, культурнѣйша личнôсть краю.

Бувъ вѣрнымъ, сильнымъ покровомъ для униженныхъ и оскорбляемыхъ,—Божимъ бичемъ для дикихъ наѣздникôвъ и гордыхъ тиранôвъ. Его могучій голосъ и праведный гнѣвъ вôдозвався громкимъ отзвукомъ въ стѣнахъ римской Congredatio pro rebus ecclesiasticis et ritibus Ecclesiarum Orientalium. Вôнъ добився извѣстной „конкордіи", постановляющой, що *quilibet in suo nativo ritu permanere tenetur... et transitus ad alterum ritum donuo ac severissime prohibetur et quocumque modo ad effectum deductus, irritus ac nullus esse declaratur.*

Concordia.. Добувъ еи неустрашимый борецъ за вѣру батькôвъ, за святости и достоянье народа, но не доживъ дня еи торжественного обнародовленья въ рôднôмъ краю, терзаемôмъ смутою и игомъ тиранôвъ. Не доживъ. Святотатственна рука подала владыцѣ Григорію, не безъ вѣдомости и скрытого содѣйствія пристыженныхъ душехватôвъ, убійственну отраву. Якъ снѣгъ ставъ самоотверженный князь церкви; умеръ якъ разъ передъ торжествомъ побѣды прав-

ды надъ ложью и іезуитскимъ коварствомъ. Погибъ изъ рукъ злодѣевъ, щобы лишній разъ потвердити ихъ коварный девизъ: „цѣль освящае средства"!..

Греческій обрядъ! Поэзія и прелесть вдумчивого Востока... Красота, клясичне благолѣпіе. Недаромъ, недаромъ послы Владиміра-солнышка, вернувшись изъ далекого Цареграда, не могли досыть нарозсказоватись о тôмъ, якъ въ часѣ богослуженья въ цареградскôмъ соборѣ, *Αγια Σοφία* ангелы перелетѣли надъ храмомъ Таке величіе; божественна лѣпота.

Скôлько поколѣній культурнѣйшой націи старинного клясицизма, скôлько вѣкôвъ просвѣщеного розвитія эллинского генія зложилось на то плѣняюще великолѣпіе восточного обряда... Старогреческа стихія Діонизоса, вдохновена не штучнымъ восторгомъ таинственныхъ празднествъ въ честь просыпающойся, весною, природы... природы, того совершенного созданія всемогущого Божества. Глубоке проникновенье въ душу чоловѣка недостижимой красоты вселенной... Объединенье людского духа съ необъятнымъ „свѣтомъ", твореньемъ безначального Начала... А надъ всѣмъ тымъ величіемъ Красоты, надъ тою неизглубимою глубиною Мысли—умилительный восторгъ,самоотверженне поклоненье страданіямъ и мукамъ Богочеловѣка, идеальнѣйшого олицетворенья объединившихся, для возвышенной цѣли, творящого божественного Духа и страдающой, изнывающой плоти...

Завороженный зловѣщою тишиною, о. Николай поникъ, забувся въ глубокôмъ тяженькôмъ роздумью.

. . . .

Роздався глухій стукъ въ двери, второый, третій.

По кôлькохъ минутахъ вôйшовъ въ комнату старый Иванъ Коханчукъ. Прійшовъ съ просьбою, щобы отецъ духовный прочитавъ якій то папѣръ. Чи не „форлядка" то? Принѣсъ ей намедни, зъ мѣста судовый экзекуторъ, що съ кашкетомъ на бакеръ, и, не заставши Ивана дома, наклеивъ

ту дрянь на входнӣ двери хаты. Дурниця, що прибивъ „форлядку“ на виду у всѣхъ, на посмѣшище злобной кумы Феськи, та на стыдъ передъ свѣтомъ христіанскимъ, а то еще запачкавъ двери якоюсь слизкою, та клейкою чортовщиною. Самъ бѣсъ тутъ не поможе. Стара Коханчиха уже другій день скребле, та мые, а мазюка, якъ рѣпякъ у кожуха, або лишай зъ клячи, все не злѣзае. Ничого не подѣлаешь, и баста. Порядки то якӣсь завелись, порядки. Хрань насъ силанебесна...

III.

Словно горемычна вдова въ опустѣвшу хату, тихимъ, знеможенымъ ходомъ вступила нынѣ сумовита Осѣнь въ свôй закиненный теремъ.

Чуеся розсвѣтъ.

Тронутӣ легкимъ подувомъ вѣтру, смутно щось шепчутъ сухӣ, безсочнӣ травы.

Сѣрою и сырою мглою нависъ въ темныхъ балкахъ ранній сумракъ, окутавши холодною пеленою дремлющӣ курганы и соннӣ могилы; розстеливши дымчату плахту по широкимъ долинамъ и замершимъ, закиненымъ горамъ и горбочкамъ.

Блѣдый день, лѣниво просыпаючись и съ просонья протираючи соннӣ очи, тихо и пугливо яснѣе мрачнымъ свѣтломъ. А цвѣтуща, пурпурна зоря, вынуряючись изъ заоблачной лильовой дали, насычае багрянымъ блескомъ слегка ранній розсвѣтъ.

Ранесенько, до свѣта, выгнавъ Иванъ корову въ мѣсто.

Послѣдна одинока коровка. Кормилиця бѣдныхъ, высохшихъ дѣтей; лѣкарь хилой и болѣзненной жѣнки Мотри.

Серце рвалось въ куски; въ груди щôто палило, безжалôстно пекуче, коли выпроваджовавъ зъ хлѣва коровку-красульку. Сумъ, граничащій съ роспукою — сумъ кинувся всѣмъ своимъ тягаромъ на Ивана, убитого, зломаного, коли ставъ ґнати красульку до воды. Еще разъ, послѣднїй разъ напоити ю тутъ, у скрипучого журавля... еще разъ... а потôмъ?.. потôмъ пôгнати въ свѣтъ за очи, прочь-прочь, до жида-нехриста на зарѣзъ.

— Подавѣтся вы всѣ, людоѣды! — просычавъ, розгнѣваный Иванъ.

Скорше сѣпнувъ мотузъ и потягнувъ за собою корову, скоро, щобы не смотрѣти, якъ горемъ прибита жѣнка, Мотря, и такъ уже омоченымъ рукавомъ рубахи отирала слезы, горячѣ, кровавѣ слезы... отирала тихо, украдкомъ, щобы бабскимъ плачемъ еще гôрше не розсердити чоловѣка.

Коли Иванъ, ведучи на привязи корову, порôвнався съ хатою Охрима Наконечного,—то бувъ девятый дворъ, числячи зъ первого Ивановего сосѣда, Кирила Горемычного, и всѣ въ нѣмъ, повидимому, спали непробуднымъ сномъ, — ему причувся протяжный скрипъ его, Ивановыхъ то, воротъ, а вслѣдъ за нимъ проникливый, душу роздирающій плачъ горюющой Мотри. Значитъ, она, бѣдна, все еще стояла въ воротахъ и мрачнымъ взоромъ, слезавыми очима и гôрькою роспукою, сопроводжала красульку, кормилицу своихъ дѣточокъ...

Но Иванъ не оглядався. Закусивши зубы, строго ступавъ впередъ и больно тягнувъ за собою корову. Въ груди щó то горѣло и палило, въ головѣ клекотало, бурилось, а кровь изъ сердця капала... такъ, вôнъ чувъ... капала не каплями, а цѣлыми кусками, запекшася кровь.

. . . .

Хорошо, разъ хорошо, що ревъ коровы не розбудивъ малого Михайла. Спавъ твердымъ, здоровымъ, дѣтячимъ сномъ.

Рѣдко завчасу ложився спати; до пôздной ночи на голосъ читавъ Ивану и Мотрѣ всяку всячину зъ книжокъ, и тыхъ въ синôй оправѣ съ золотою надписью, и тыхъ въ червонôй и чорнôй оправѣ, а тамъ и тыхъ, на просто сшитыхъ умѣлою рукою переплетчика-деришкôры въ далекôмъ, разъ далекôмъ Львовѣ.

А читавъ то, Михайло, читавъ ажь солодко на душѣ, наболѣвшôй горемычнôй душѣ. То о Іонѣ во чревѣ кита, то о Мойсеѣ во пустынѣ,—эхъ бѣсовымъ людоѣдамъ-кровопійцамъ бы такую пустынную гадюку

въ ихъ ненасытный ротъ, за що народъ такъ давлятъ, — то о мукахъ, страданіяхъ Христа-Спасителя, Господа нашого... А радôсть то, яка радôсть була, коли теперь весною, на саме, уважаете, Свѣтле Воскресеніе тотъ же малый Михайло... та такъ и есть, Иванôвъ Михайло!.. взявъ, за позволеньемъ дьячка, благодать Божая ему за то... взявъ, то есть Михайло, въ руки книжицу съ клироса, та и начавъ читати Апостола. Первое убо слово сотворихъ о всѣхъ, о Ѳеофіле, яже начатъ Іисусъ творити же и учити до дне — огласило храмъ Божій. Голосокъ, якъ дзвôночокъ тремтѣвъ, черезъ цѣлый часъ читанья — надъ молящимися и уносився высоко-высоко, до самого купола... Звонкій, дитинный голосокъ; радôсть невысказана... Сваха Катерина, куда не повернеся, все ругаеся; злится, бувало, хотя ты ей меду на рану давай. А въ тотъ день, въ сегорôчне Свѣтле Воскресеніе прослезилась. Прослезилась, не отрываючи очей отъ малого Михайла, коли тотъ вычитовавъ слово по словѣ: Но пріимете силу, нашедшу святому Духу на вы, и будете ми свидѣтели въ Іерусалимѣ же и во всей Іудеи и Самаріи и даже до послѣднихъ земли. Слезы росою, дрôбною росою скатились у свахи по лицу...

...Або пріймеся, бувало, читати зъ свѣтскихъ книгъ. Розвернеся стара, сѣда бувальщина. На души легче стане; горе, хоть оно тяжке, та и о немъ призабудешь... А тутъ передъ тобою предстануть Ярославъ Мудрый, князь великого ума, то властелинъ таки нашой землицѣ Ярославъ Осмомыслъ... то князь Даніилъ Романовичъ... то Левъ Даниловичъ, то... Та, хиба вмоготу старôй головѣ перечислити всѣ тѣ ученѣ имена?.. Або часомъ, стане Михайло читати... читае, читае... а въ бѣднôй, покосившôйся хатѣ Ивана гремитъ удала Козаччина, идутъ, идутъ, а кôнця ихъ нема, козацкѣ войска, а впереди, на воронôмъ кони самъ, уважаете, самъ Богданъ Хмельницкій. Ѣде, насупивши брови, и думае грозну думу. Иде карати ляхôвъ и іезуитôвъ за обиды рôдной вѣры, за переслѣдованья сѣрого, горемычного русского народа...

Хорошо, що не розбудили Михайла разъ хорошо.

. . . .

Мысль о сыночку Михасю промелькнула, словно мгновенный лучъ сонця изъ-за тучъ, въ похмурный, слотливый день. Промелькнула радôстна мысль та и такъ же быстро потухла въ безпросвѣтнôй глубинѣ чорной туги, безуспѣшного, страшного горя...

Гôрше дикихъ яструбôвъ, стали царапати, шарпати, его мозги тяжкî чорнî думы.

Ни помочи, ни отрады... Ни просвѣта, ни слабого луча надѣи...

Одинъ кожухъ, одна обшмыгана шубенка, пестра вôдъ заплатъ, на всю семью. Одинъ кожухъ, та двѣ пары чобôтъ. Стôлько всего на Ивана Коханчука, жѣнку Мотрю, сынка Михайла и дочку Настю.

Була зима остра; морозы трѣскучî. Старый Иванъ, якъ ни тяжко ему то приходилось, ходивъ каждыхъ кôлька дней въ далекій „камеральный" лѣсъ купити, а то и выклянчити вязку хворосту або два-три куски гнилой замерзшой и окаменѣлой „гиляки-ломаки". Плѣвся Иванъ въ лѣсъ, а то ничимъ було хату отопити; всѣмъ прійшлось бы перемерзнути.

А въ тî дни, коли Иванъ ходивъ въ лѣсъ, та журився топливомъ, вся семья, заколотивши на глухо двери, полѣзала на холодну пѣчь и тамъ, пôдъ подертыми лахами, дожидалась вечера и повороту старого батька Въ такî дни малый Михайло не ходивъ въ школу. Вôнъ оставався дома, бо общій кожухъ бувъ въ ту пору въ дорозѣ, и яко тако држачись на згорбленыхъ плечахъ Ивана, служивъ ему охороною вôдъ морозныхъ вѣтрôвъ. Михайло въ такî дни не мôгъ бути въ школѣ. Строгій учитель панъ Прейссъ, изъ нѣмцѣвъ ляшокъ шовинистъ, прилѣжно, съ діявольскимъ злорадствомъ числивъ пропущенî Михайломъ Коханчукомъ дни и сейчасъ доносивъ о тôмъ до окружнои власти, предлагаючи тяжкою карою отштрафовати „заупрямившогося" руского „хама".

Грошевî „кары“ росли, якъ грибы по дожджи. Старый Иванъ думавъ, було, весною нанятися у пана помѣщика и заробити своимъ старческимъ трудомъ, стôлько, щобы уплатити тѣ „кары“ окружному начальству. Но не тутъ то було. Прийшла, правда, весна, така прелестна, така радôстна Снѣгъ стаявъ, точно его и совсѣмъ не бувало. Ласточки звили новî гнѣздочка, то починили тамторôчнî. Жайворонки взбились въ безоблачну высоту, щобы тамъ отспѣвати гимнъ просыпающôйся Природѣ и Веснѣ... И старый Иванъ, згорбленый и изнеможенный, осѣнивши себе крестомъ, поплѣвся за панскимъ плугомъ, понукиваючи круторогихъ. Поплѣвся старикъ... и заплакавъ, гôрько зарыдавъ; „чепиги“ сохи чомусь то скачутъ въ костлявыхъ, немôчныхъ рукахъ та круторогî волы не слухаютъ, бо голосъ у него не той що колись, ослабѣвъ.

Ходивъ то Иванъ за панскимъ плугомъ, но зарôбку не слѣдно, не видно було. Маленько зароблявъ. А тутъ Богъ пôславъ новый ударъ; положилась стара Мотря; заболѣла тяжкою, опасною болѣзнью. Такъ и пролежала до Петрôвки. Все, що Иванъ заробивъ у пана на орцѣ, зъѣла аптека; сохрани Богъ вôдъ неи добрыхъ людей. Одинъ сумъ тай тôлько... А школьнî „штрафы„, якъ наросли, такъ и осались неуплачеными.

И ось теперь убитый, пригнобленый Иванъ гонитъ послѣдну коровку жидамъ, на „зарѣзъ“, щобы за одержанî гроши еще сегодня уплатити шкôльну „кару“ въ цѣлости, до гроша, а то, — якъ вчера прочитавъ о. Николай изъ „форлядки“, полученой Иваномъ, по предложенью ненавистного жулинского просвѣтителя пана Прейсса и съ вѣдомостью окружной школьной власти, повѣтовый судъ продастъ, на лицитацiи, все майно Ивана. Такъ,такъ, все! И покосившуся хату, съ росшитою соломяною стрѣхою, и росшатанный грозою хлѣвъ, и пôвтора грядки земли; такъ,все, все. Ничого, людоѣды, не оставятъ. Такъ и сказано во вчерашнôй судовôй „форлядцѣ“. Объявили „лицитацiю“.., и баста! А щобъ имъ...

IV.

— Що? Не будешь молитися?!—закричавъ негодуючи, взбѣшеный учитель Прейссъ. Въ нѣмъ проснувся духъ ополячившогося пруссака-крестоносця, воспитанного въ исконнôй ненависти до той землѣ, до еи русскихъ жителей безталанныхъ, до еи старой, прадôвской вѣры, до всего, що русске.

Подôбно наѣздникамъ-крестоносцямъ, тѝ культуртрегеры, новѣйшого пошиба, смотрѣли на всю необъятну, святу Русь очима наѣздникôвъ-фермерôвъ на чорныхъ або червоныхъ туземцѣвъ Африки или Америки. Русскій народъ, въ ихъ очахъ сѣра масса грязного хамства, съ пôвлюдскимъ взглядомъ. Русска вѣра — ересь и хула. Русска культура — татарщина, тмутороканщина. Русь, та свята Русь, страдающа, терзаема и всепрощающа Русь — то дика краина, безгранична пространство, котре, во имя іезуитизма, необходимо завоевати огнемъ и мечемъ. Завоевати, полонити, обижати, издѣватися... Якъ въ часахъ пруссакôвъ-крестоносцѣвъ, igni ferroque ad maiorem iesuitarum gloriam!.. (Огнемъ и мечемъ для бôльшои славы іезуитôвъ!)

Тому мишурному призраку,—взращенному необузданною, ненасытимою, всегда алчущою, всегда жадною ненавистью до Руси и Востока — они покланяются уже цѣлѝ вѣки. Ему, тому кошмару германизма и іезуитизма, въ ихъ необузданнôмъ змѣшанью, они принесли въ жертву свою Великопольшу и земли западныхъ Славянъ. Его ради они стратили свою державу, „панство“ зарозумѣлои касты и горделивого костела Передъ нимъ ползаючи, они уже тысячу лѣтъ измѣняютъ многострадальному Славянству, просыпающомуся,.. воспрянувшому,.. объединяющомуся духомъ и его творами...

— Не будешь молитись?! — повторивъ учитель, въ бѣшенôмъ приступѣ наклоняючись надъ мальчикомъ.

Донимаемый бѣшенствомъ гордого просвѣтителя, добродушный мальчикъ, Михайло Коханчукъ, мовчавъ...

Ôтвернувшись вôдъ наступающого педагога, вôнъ смотрѣвъ на Роспятіе, межи вôкнами на стѣнѣ, за учительскою каѳедрою. Спаситель, съ поникшою внизъ головою,.. кôлька кровавыхъ капель на смертельно блѣдôмъ чолѣ, вôдъ тернового вѣнця,.. бôльше пятно запекшойся крови пôдъ сердцемъ, у прободенного ребра... Михайлу були уже хорошо знакомѝ всѣ, навѣть найдрôбнѣйшѝ, черты Роспятого, такъ якъ вôнъ смотрѣвъ на Него, кождый разъ, коли панъ „научитель" занадто уже донимавъ его своими злобными „наставленьями". И дивно, глядячи на Крестъ межи вôкнами, на стѣнѣ, Михайло не чувъ, въ такѝ минуты, обидъ, не отчувавъ болю вôдъ нанесенныхъ ему просвѣтителемъ побоѣвъ..

— Молись! — рявкнувъ, въ звѣрскôмъ озлобленью, учитель, дергаючи мальчика за широкій рукавъ рубашки. Чуешь?!.. Повторяй за мною: Ojcze nasz, któryś jest... Ну! Чуешь?

— Отче нашъ, иже еси на небеси, — проголосивъ, по русски, Михайло Коханчукъ, поволи, съ умиленьемъ.

— Що? Якъ, ты? Якъ?!— просычавъ учитель. — Кто приказовавъ тобѣ такъ молитись?.. Кто позволивъ молитись по хамски?. — бѣсився Прейссъ. Вôнъ весь почервонѣвъ. Очи, казалось, сейчасъ вылѣзутъ изъ орбитъ!

— Говорю тобѣ, зô мною не шути! Я, братчику ты мôй, шутити не люблю! Розумѣешь?.. А?.. Ну, повторяй: Ojcze nasz, któryś jest... Ну! Чого мовчишь? Чого заупрямився? Не хочешь, хамъ ты одинъ, молитись по польски?. А?.. Еще разъ пытаюсь тебе: будешь за мною повторяти?..

— Не буду!

— Для чого?—просычавъ, черезъ затисненѝ зубы, Прейссъ.

— Я молюсь такъ, — отвѣтивъ мягко, но рѣшительно, мальчикъ,—якъ мене научила моя мама,.. якъ молится отецъ духовный въ нашôй церкви... якъ молится вся... Русь!.. якъ мо...

Вôнъ не успѣвъ докôнчити своеи ди... ...ердечнои ôтповѣди.

Въ діявольскôмъ бѣшенствѣ озлобленый учитель громыхнувъ его тяжкими желѣзными перстенями по лици, межи очи. Око выплыло. Стративши сознанье, Михайло Коханчукъ, повалився, всѣмъ своимъ истощенымъ туловищемъ на землю и не чувъ бôльше ни страшныхъ побоѣвъ, желѣзными кольцями, по всемъ тѣлѣ,.. ни ударôвъ учительскими каблуками, по ногамъ и рукамъ,.. ни давленья колѣнами озвѣрѣвшого мучителя хилой, запавшойся груди дитины, — мученика за вѣру батькôвъ...

V.

Потухъ пурпурный блескъ роскаленного на западѣ золота.

Згущаючись и чорнѣючи, тьма сумовитой осѣнной ночи зливаеся съ могильною темнотою сумрачного лѣса.

Поволи, тихо пôднявся, плывучи по пасмурному небу, мѣсяцъ и смотритъ зъ мглистои высоты...

Отъ Запада плывутъ густї, олованї тучи, выныряючи зъ чорной дальной пучины. Зловѣща тьма затопляе слабе свѣтло мѣсяця. Холодный вѣтеръ шуршитъ поблекшою листвою, врываеся въ дикї ущелья, наповняе шумомъ лѣсъ.

Филѣ Днѣстра дышатъ сырымъ холодомъ.

На мгновенье притихла гроза, зловѣщій мракъ розступився и изъ-за тучъ выглянувъ мѣсяцъ. Старому Ивану почудилось, що мѣсяцъ весь залитый кровью, червоною-червоною, запекшоюся.

Иванъ дрогнувъ... Еще разъ взглянувъ на сине, мертве лице сына, замученого душехватомъ.

Старый Коханчукъ не позволивъ бабамъ омыти тѣло убитого Михайла. Заборонивъ бабамъ навѣть дôткнутися его.

Дôждавшись ночи, вôнъ въ нѣмôмъ мовчанью, сильно прижавъ дорогій трупъ сына до груди, прикрывъ его старою свиткою и кинувся съ нимъ, опрометью, изъ хаты вонъ. Оттрутивши, стоявшу на дорозѣ, въ сѣни,

Мотрю, крикнувъ ей одно тôлько, грозне, якъ вой вовчицѣ: „Мовчи“!

Гôрьше раненного звѣря, вôнъ стремився, съ тымъ дорогимъ тягаромъ, до далекого Днѣстра, щобы въ нѣмъ, въ его грозныхъ филяхъ омыти кровь зъ лиця и тѣла отрока-мученика...

Якъ страшна тѣнь, якъ призракъ, стоитъ Иванъ надъ рѣкою и, въ безумствѣ, впиваеся взоромъ въ дорогѣ черты посинѣвшого, оледенѣвшого лиця Михайла.

Прижавъ его до груди,.. прижавъ и.. зарыдавъ...

— Будьте проклятѣ душегубы! — вырвалось, страшнымъ плачемъ, зъ роскolотой груди Ивана и, уносячись громовымъ рокотомъ, ударилось, зловѣщимъ отзвукомъ, о дикѣ грознѣ скалы.

. . . .

А коли скипѣвшася кровь Михайла, на гребнѣ пѣнящойся филѣ, мичовала Окопы, на серединнôмъ Днѣстрѣ, то здавалось, будто шумъ волнъ заглухъ, а зъ нѣдръ широкой рѣки роздався душу роздирающій дитинный плачъ.

— Батьку, где ты?.. Чи чуешь ты?..

— Чую! Чую! — отвѣтивъ громовый, грозный голосъ зъ неприступной скалы, въ котрôй, по переданью глубокой старины, до сихъ поръ живе старый козакъ Тарасъ Бульба...

